

Lav

ЭЛИС ВАЙЛД

Поцелуй
Смерти

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
В14

ALICE WILDE
KISS OF DEATH

Дизайн обложки *Юлии Данилиной*

Вайлд, Элис.

В14 Поцелуй смерти / Элис Вайлд ; [перевод с английского М. С. Кукушкиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (LAV. Темный роман).

ISBN 978-5-17-159526-5

После смерти матери моя жизнь изменилась. Отец клялся, что больше никогда не сможет полюбить, но встретил Мерельду, и теперь она центр его Вселенной. А мне приходится сносить жестокие слова новой семьи... и жестокие поступки. Ведь мачеха и ее драгоценные сыночки превращают мою жизнь в сущий ад.

И когда отец оказывается при смерти, а я — на грани нежеланного замужества, я решаюсь взять судьбу в свои руки.

Для спасения отца мне придется заключить сделку с загадочным Торговцем.

В случае провала меня ждет брак и, с большой вероятностью, смерть от руки мужа-садиста. В случае успеха — отец будет жить... подпитываясь моей силой, пока я провожу последние дни рядом с Торговцем.

Так или иначе, моя судьба будет итогом моего выбора. Или нет?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© 2023 Alice Wilde

© Кукушкина М., перевод на русский язык, 2024

© В оформлении макета использованы материалы по лицензии @shutterstock.com

ISBN 978-5-17-159526-5

© ООО «Издательство АСТ», 2024

*За жертвы, на которые мы идем
ради тех, кого любим.*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Дорогой читатель!

Спасибо, что взял в руки первую книгу из моего цикла «Искушение судьбы». Это фэнтезийный роман с тяжелым мрачным сюжетом и несколькими любовными интересами. До завершения серии каждая книга будет заканчиваться на клиффхэнгере.

Пожалуйста, имей в виду, что эта серия книг подходит не для всех. Если ты решишь продолжить чтение, приготовься столкнуться с нецензурными выражениями, агрессией, психическим и/или физическим насилием, убийствами, похищениями, вуайеризмом, попытками принуждения к сексуальному акту (не в любовных линиях), смертью, удушением, нанесением увечий, монстрами, богами, мстью, искуплением, разбитым сердцем и другими моментами, которые могут тем или иным образом послужить триггером для кого-либо.

Тем не менее ты также встретишь множество замечательных и странных персонажей, а еще столкнешься с ангстом, романтикой, которая будет разви-

ваться медленно, но в конечном счете приведет и к пикантным сценам, и познакомишься и с остальными персонажами, которые будут постепенно появляться на протяжении всей серии.

Учитывая все вышесказанное, в книгах могут быть и другие триггеры, которые я могла не упомянуть. Путешествие для нашей главной героини окажется нелегким, но в конце концов будет стоить того.

Или, по крайней мере, нужно на это надеяться.

Давай перейдем...

К Искушению судьбы?

Элис

ГЛАВА 1

ХЕЙЗЕЛ

Пытаясь как можно тише выйти из дома через заднюю дверь, я невольно вздрагиваю, когда щеколда встает на место. Замираю, еле дыша, ожидая изнутри звука приближающихся шагов.

Тишина.

Я мягко выдыхаю, и этот выдох поднимается в воздух белым облачком пара. Повернувшись, я направляюсь в сад. Земля хрустит под ногами, и я, дрожа от мороза, обхватываю себя руками, пытаюсь хоть как-то согреться.

Еще слишком рано для такого холода.

Мельком взглянув на первые проблески утреннего солнца, я замедляю шаг. Нахмурившись, останавливаюсь посмотреть на бархатцы, которые давным-давно посадила мама. Их яркие лепестки покрыты сверкающей корочкой льда.

Оглядываю остальную часть сада, пока продолжает светать, и внезапно осознаю, что все вокруг лежит под тонким слоем инея. На мгновение сердце замирает, а затем я хватаю в руки подол юбки, раз-

ворачиваюсь и бросаюсь бегом вниз по другой тропинке.

Добравшись до огородной грядки, опускаюсь на колени и принимаюсь оценивать ущерб, нанесенный морозом. По всей земле лежат побуревшие и увядшие овощи и травы — их жизнь оборвалась слишком рано. Что делать дальше? Я начинаю размышлять, но никак не могу избавиться от ощущения, будто только что потеряла несколько дорогих мне друзей.

Мерельда убьет меня за это... если только ее не опередит голод.

Я знаю, что это не моя вина, но сильно сомневаюсь, что мачеха будет рассуждать так же. Откуда мне было знать, что заморозки начнутся так рано? Не говоря о том, что начнутся вообще.

До зимы еще практически целых два месяца, да и тогда мороз редко задерживается дольше чем на несколько недель.

Соорудив из подола юбки импровизированную корзинку, я встаю и принимаюсь осторожно собирать те овощи, что выглядят уже совсем плохо; не для еды, но для чего-нибудь ведь сгодятся.

Надо будет как можно скорее собрать все те, что еще не погибли, пока их еще можно спасти, но на данный момент с этим придется повременить.

Бросив последний взгляд на мои бедные растения, я разворачиваюсь и по своим же следам на тропинке возвращаюсь через сад обратно на пригорок, а оттуда спускаюсь вниз.

Добравшись до курятника, отпираю дверь и широко ее раскрываю, чтобы куры днем смогли выйти

гулять по двору. Затем принимаюсь разбрасывать по земле те остатки растений, что притащила в подоле; курочки начинают тихонько кудахтать, словно приветствуя и благодаря за утреннее угощение, и на моем лице тут же появляется улыбка. Нырнув внутрь курятника, я собираю и кладу в подол все яйца, что попадают на глаза, — их оказывается совсем немного.

— Ну же, Флоренс, — вздыхаю я, обращаясь к лучшей наседке из всех наших кур. Она начинает вквохтать на меня и от досады распушать перья. — Ты же знаешь, что я не могу оставить тебя в гнезде с яйцом без цыпленка, милая моя. Кроме того, сегодня мне практически не из чего готовить завтрак.

Я чувствую себя достаточно виновато, просовывая руку под ее пышную перьевую юбочку и доставая спрятанное яйцо, но в глубине души понимаю, что это для ее же блага, да и для моего в том числе.

Петух пропал несколько месяцев назад, и нам еще предстоит отправиться на рынок за другим. Надо не забыть еще раз попросить об этом отца...

Возможно, если я смогу застать его прежде, чем проснутся все остальные, то он позволит мне сходить на рынок одной. Ведь последнее, что ему сейчас нужно, — это дополнительная работа, а я буду только счастлива хоть раз провести день вне дома.

Нежное утреннее солнышко согревает мое лицо, когда я выхожу из курятника. Я уже опаздываю к началу нашей утренней трапезы, и надо поторопиться: если не успею, мачеха обязательно вставит какой-нибудь комментарий по этому поводу.

Уже представляю, как она хмурится; и мне очень повезет, если этот взгляд станет единственным наказанием.

Мчась обратно в дом, я молю небеса, чтобы она не проснулась и тем более не проверила кухню. Войдя и не обнаружив там никого, вздыхаю с полным облегчением. Как же приятно видеть, что огонь только-только начинает прогревать остывшую за ночь печь.

Все еще дрожа от холода, начинаю аккуратно выкладывать на стол драгоценные дары сегодняшнего утра от наших кур-несушек. Поллюбовавшись ими некоторое время, я вдруг осознаю, что одного яйца все же не хватает.

Ну что ж, значит, сегодня у меня будет очередной завтрак без яичницы. Придется довольствоваться остатками черствого хлеба, который я пекла несколько дней назад; хотя, может, и кусочек сыра найдется. Ну а если мне совсем повезет, то где-нибудь на дальних полках может даже заваляться одно-два яблока.

От этих мыслей начинает урчать в животе. Этот звук служит лишь напоминанием о том, что прошлой ночью меня отправили спать голодной: Мерельда решила, что рагу из пастернака, которое я приготовила, могло бы быть лучше. Она не разрешила мне даже дожждаться возвращения отца и поздороваться с ним.

Повернувшись, я проскальзываю в маленький чуланчик, чтобы достать ломтик бекона и свой сегодняшний скудный завтрак. Кусочек хлеба, немного заплесневелого сыра и половинку заветрившегося яблока.

Должно хватить.

Взяв кусок ткани, я слегка смачиваю его в прохладной воде, заворачиваю хлеб и кладу греться на шесток у огня. А затем, соскребя слой плесени со своего кусочка сыра, я начинаю грызть его и закусывать яблоком, которое периодически хрустит песком на зубах. В это же время принимаюсь готовить завтрак для остальных членов семьи.

Над столом видит сковородка, которую папа подарил маме в день их свадьбы. Только коснувшись ее, я расплываюсь в улыбке. Именно кухня была маминым любимым местом; солнышко разливалось у ее ног, в то время как она замешивала тесто и напевала сладкие песенки.

Пока призраки прошлого висят в воздухе надо мной, я ставлю сковороду греться на тлеющие угли и разбиваю сегодняшние яйца в миску, а затем взбиваю их с тем молоком, что у нас осталось, чтобы было сытнее.

А ведь когда-то — такое ощущение, что уже целую вечность назад, — этот дом часто заливали солнечный свет и тепло, а комнаты всегда были наполнены смехом и любовью.

Я была слишком мала, когда мама сделала последний в своей жизни вдох. Тогда я не могла в полной мере осознать эту утрату. Она заставила меня пообещать, что после ее смерти я никогда не стану черствой и жестокой к этому миру; и я сделала все возможное, чтобы исполнить ее последнее желание.

Но только когда отец познакомил меня с Мерельдой, которая затем стала его женой, я по-настоящему поняла всю сложность предсмертной просьбы мамы.

Лишь в тот момент полностью осознала, сколько сил потребуется, чтобы оставаться мягкой и чуткой в мире, одержимом желанием сломить тебя.

Слезы застилают мне глаза, но я беру сковороду и аккуратно выкладываю толстые ломтики бекона по внешнему краю, прежде чем снова поставить ее на горячие угли. Мой хлеб как раз размягчился и нагрелся, поэтому я, не отводя глаз от шкварчащей сковороды, начинаю отламывать от него по маленькому кусочку, раз за разом. Перевернув бекон, немного выжидаю, а затем добавляю яичную смесь в центр сковороды; в этот момент меня здесь нет, мысли снова блуждают.

Иногда я задавалась вопросом, насколько другой была бы жизнь, будь мама жива. А что сейчас? Теперь я считаю неслыханной удачей, если мне удастся выкрасть себе хотя бы несколько часов; особенно в те дни, когда отец уезжает по делам — а он, собственно, почти всегда уезжает.

Он клянется, что ни капли не устает от того, что работы стало больше, но я-то вижу, как сильно постарело его лицо. Отец, конечно, никогда в этом не признается, но он из кожи вон лезет, пытаясь обеспечить моей мачехе ту жизнь, к которой она привыкла.

К сожалению, мне приходится нести это бремя вместе с ним, но я все равно никогда не позволю ему узнать, что происходит в доме в его отсутствие.

Как только отец уезжает, Мерельда тут же набрасывается на меня со множеством приказов и поручений, пока сама нянчится с двумя своими *драгоценными* сыночками.

От одной мысли об Амадее и Киприане у меня скручивает живот и пропадает аппетит, поэтому мне даже тяжело доесть свой завтрак.

К счастью, звук тяжелых шагов по лестнице внезапно возвращает меня из лихорадочного вихря мыслей обратно в реальность. Это отец, его шаги я узнаю всегда и везде.

В последнее время он всегда куда-то торопится, его ноги слишком грузно ступают по деревянным ступеням. Интересно, кого из своих клиентов он посетит следующим и какая именно из его книг в прекрасном переплете попадет в их руки?

Раньше он всегда позволял мне читать их, пока сам кропотливо создавал им новые обложки. Сейчас я с трудом могу вспомнить, когда вообще в последний раз держала в руках книгу.

Встав, я спешу поставить сковороду на стол, чтобы подать ему завтрак. Потянувшись за тарелкой, останавливаюсь на полпути и, затаив дыхание, внимательно прислушиваюсь: последуют ли за шагами отца мягкие шажочки мачехи. Молюсь, что нет.

Но надежды не оправдываются. Конечно же, она всегда идет за ним.

Вздохнув, я быстро выкладываю на тарелку немного бекона и яичницы, прежде чем повернуться к кухонной двери.

— ...действительно, Леорик. Ты медлишь каждый раз, когда нужно выходить из дома, и это заставляет задуматься, есть ли тебе вообще дело до нашей семьи. По-настоящему ли ты печешься о нас, — говорит Мерельда, и ее громкий писклявый голос останавливает меня у самой двери.